

* * *

Незримо время растворилось
в старинном парке средь ветвей,
под крышей флигеля укрылось
и в кружевах сквозных аллей.
Шаги шуршащие столетий
едва улавливает слух...
И миг воспоминаний светел...
Царит Тургенева здесь дух...

* * *

Свободна мысль, преград не зная,
она в пространствах и веках,
как птица, крылья расправляет...
И вот уже Париж. Река.
Ласкает Сена парапеты.
И слышен говор парижан.
Весна. В вазонах первоцветы.
Каштаны в скверах тут и там...
Писатель русский вновь проездом,
вдали от Родины своей.
Болезнь настигла злобным бесом.
Скорей бы Буживаль, скорей...
Печален дом его в Ясени,
за шторой старость и недуг,
труда свидетель, мрачной лени,
тоски, что накатилась вдруг...
А рядом – шумное семейство
Богини примы Виардо,

друзей забавы, лицедейство,
стихи, романсы и вино...

И он в чести на званом пире,
но одиночество томит.

Поют осанну его лире,
душе не власть – она болит...

«На краюшке гнезда чужого»
вся жизнь сполна. Его судьба...

Нет глаз родных, плеча родного.
И ни к чему тоска, мольба.

Теперь «под гору» и дорога.
Настали тягостные дни.

Что делать? Горевать? Как долго?
А мысли?.. Горькие они.

«Сожмись...», «уйди... в воспоминанья»,
А там, на «самом дне» души,

Блеснёт вдруг мысль весенней ранью,
«Пахучей зеленью» глуши...

* * *

Как тянет в Спасское к аллеям,
бродить по парку до зари,
где тень прохладой душу греет
и так бессонны соловьи.
Как пруд зарос... И запах тины...
А детство с ласковой тоской
манит к разрушенной плотине
и к небу с «ровной синевой».

«Безветрие, теплынь...и воздух»,
парным так пахнет молоком.
Вдохнёшь – и сладко... Вот и роздых.
Как тянет дёгтем и дымком...
И он мальчонкой над оврагом
в кругу «расщепленных» ракут,
на сене скошенном, в рубахе...
В овраге ручеёк журчит.
Покой, простор родного края.
О тишь, довольство, благодать!
И нужно ли другого рая
деревни русской сыну ждать?
О колдовство воспоминаний!
О утончённый свет души!
В далёком детстве, в зыбкой рани
Как память птицею кружит...

* * *

О спасский сад благословенный,
поэзия родной земли,
для сердца русского друг верный,
природы дар в нём и любви...
Здесь «чинный» не царил «порядок»
на модный «англицкий манер».
Неприхотливый беспорядок:
дерев сплетенье, разных «сфер»...
Берёзы, клёны вперемешку,
черёмух цвет и липы дух,
дуб вековой, вблизи орешник,
поляны, земляники круг...
Певали «хором», в беспорядке,
дрозды, кукушки, соловьи...
Порой в кустах сверкали пятки
детей крестьянских... Здесь они
искали ягоды, орехи,
в пруду ловили пескарей,
бежали «взапуски»... Утехи.
Смеясь, толкались: «Кто быстрее!..»
Бывало, братьям разрешалось
играть с крестьянской детворой,
прощались озорство и шалость,
но мать следила за игрой...

* * *

Отец зовёт. Их ждёт охота.
Собрались к дому егеря,
собак охотничьих для «смотра»
выводят и, псарей хуля,
вдруг замечают «непорядки»:
не те ремни и сворки – «дрянь»...
Бегут псаря, в работе хватки.
Остервенелый слышен лай.
И «смотрит» лошадей конюший:
и сыт ли, ладен рысачок,
нова ли сбруя, хлыст ли «дюжий»,
седло ли к месту, чепрачок?
«Любили» барыни охоту.
Для них кареты и узлы
со снедью, пирожки, компоты,
под бок подушки и пuffy...
А утром, лишь заря занялась,
вся «рать» съезжала со двора.
Собаки по полям «пластались».
Рысачки в мыле... Всё не зря.
Каретам на опушку ехать...
Резвятся дети. Дамы в ряд.
Узлы развязаны. Потеха.
Орехи. Пряник. Мармелад.
Разгар охоты. Гон по полю.
Все «травят» зайца иль лису
к каретам... Смеха будет вволю.
Добычу к дверцам поднесут.
Вдруг матушка... Совсем некстати.
Неужто окрик? Строгий взгляд?
И где-то здесь играют братья,
их шалостям никто не рад...
Вдруг стало как-то сиротливо.
Вернуться в дом пора уже.
И не «потехою игривой»
охота в Ваниной душе.
Ему ходить бы, любоваться
сквозистой зеленью берёз
и в птичьем гомоне купаться,
и слушать иволгу... до слёз.

